

ВЫСТАВКА

Шершавым языком плаката

О рождении белорусского кинематографа расскажут в музее.

В Музее истории белорусского кино открылась выставка «Белорусский кинематограф 20-30-х годов XX столетия в киноплакатах». Известно, что в те годы на белорусской киностудии было снято 60 художественных фильмов. Но сохранилось лишь 30 представляющих их плакатов, написанных известными художниками-графиками и дизайнерами-конструктивистами — Литваком, Стенбергом, Векслером, Хомовым, Залесским. Плакаты хранятся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Специалисты говорят, что ни один плакат, созданный при помощи новейших компьютерных технологий, не сравнится по силе восприятия с этими раритетами. В свое время они были главным механизмом продвижения культуры кино в массы. На выставке в Минске представлены копии этих плакатов, сделанные сотрудниками музея.

Вместо актеров — крестьяне

У Белгоскино и киностудии «Советская Беларусь» («Бе-

ларусьфильмом» студия стала в 1946 году) технической базы первое время не было. В 1926-1927 годах белорусские фильмы снимали на киностудии Москвы. В 1928 году открылась студия художественных фильмов «Советская Беларусь», но не в Беларуси, а в Ленинграде, в арендованном здании бывшего театра «Кривое зеркало» на канале Грибоедова. Там она находилась до 1939 года.

Несмотря на местоположение киностудии, многие сцены к первым фильмам снимались в Беларуси. Не исключение и перенес белорусского кинематографа — картина Юрия Тарича «Лесная быль» по повести Михаса Чарота. События в фильме разворачиваются в 1920 году во время оккупации белорусских земель поляками. Юный паренек Гришка со своей подружкой Гельгой помогают партизанам выследить оккупантов и расправиться с ними. Заканчивается фильм освобождением Красной армией Минска. Наверное, случайно на плакате к фильму изображена вздыбленная огненно-красная лошадь — она символизирует Красную армию, рвущуюся освободить белорусский народ от польских оккупантов.

Снималась «Лесная быль» недалеко от Минска, в поселке Прилуки, в массовке участвовали крестьяне, причем в своей обычной одежде. В благодарность съемочная группа устроила для них настоящий праздник — с концертами и фейерверками. Впервые это кино зрители увидели 25 декабря 1926 года в кинотеатре «Культура». Эта дата и стала началом отсчета истории белорусского кино.

Первый боевик

В том же 1926-м снимали не только «Лесную быль». Эту дату видим еще на одном плакате. На нем женщина с темными кругами под глазами и потупленным взором стоит на фоне ресторана гостиницы со светящимися окнами. А рядом читаем — «Проститутка». Это второе название фильма «Убитая жизнью» — психологической драмы о трех девушках, вынужденных торговать собой. Оказывается, во времена НЭПа проституция была настоящей проблемой — в публичных домах обращались более 60 процентов советских мужчин. Фильм, однако, не получил известности. Продержался в прокате пару недель — и исчез.

Зато «Кастусь Калиновский» 1928 года, представлен-

ный на выставке сразу несколькими плакатами, в том числе и на белорусском языке, стал настоящим хитом. Кассовые сборы картины, рассказывающей об одном из героев восстания 1863 года, побили все зарубежные и отечественные показы, которые проходили с начала 1920 годов в столичных кинотеатрах. Массовые драки, погони на лошадях — чем не первый белорусский боевик? Любопытно, что сцены казни Калиновского, которая проходила в Вильно, снимали в Минске. А так как в то время даже для игровых фильмов не возводили декораций, съемки проходили в живых интерьерах. И благодаря старым картинам можно узнать, каким был быт белорусов.

В 20-30-е годы особенно много фильмов было посвящено борьбе народа за социальное и национальное освобождение. Яркое подтверждение тому — картина «В огне рожденная». Но есть среди первых фильмов и более приземленные, например сатирическая комедия «Джентльмен и пегус».

Как видим, белорусскому кинематографу было чем удивить зрителей.

Людмила МИНКЕВИЧ

ВЗГЛЯД

Екатерина ВИЛЬМОНТ:

Не бывает женской прозы

Екатерина Вильмонт, переводчица с немецкого, писательница начала в 49 лет, и ее первые два романа — «Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры» и «Полоса везения, или Все мужики козлы» — стали хитами продаж. Перу писательницы принадлежат 40 детских детективов и более 20 романов с остроумными названиями — «Три полуэмиграции, или Немного любви в конце тысячелетия», «Хочу бабу на роликах!», «Плывать на все с гигантской секвойей».

— Екатерина Николаевна, знаю, что писательницы не воспринимают термин «женская проза», могли бы расставить акценты?

— Не бывает женской и мужской прозы, бывает — хорошая и плохая проза, этот ярлык клеят, чтобы получить продать книжку, а зачастую даже унижить автора. «Женский роман» еще с советских времен, когда жанров вообще не было, считался чем-то презренным и низким, а главное, бездейным. В жизни не написала бы ни одного романа при советской власти, потому что выросла в литературной среде и знала, какие идеологические барьеры приходилось преодолевать писателям. Издать книжку, даже переводную, было немалосило трудно, в лучшем случае она вышла бы через год, а то и через 2-5 лет. Не дай бог, чтобы писатель что-то не так сказал про Советский Союз или вообще высказался не так, как надо. Помню, Николай Михайлович Любимов, переводчик «Дон Кихота» и Рабле, на томе, подаренном моему отцу, написал такие строки: «Шесть лет в непроглядной гослитовской мгле! Томился великий писатель Рабле. Но свеслись тучи с его горизонта», и вот он уже на столе у Вильмонты.

— Что подтолкнуло вас к писательству?

— Смерть моей первой профессии. В 1995 году я перевела свою последнюю книгу. У нас была лучшая в мире школа перевода, а когда отменили цензуру, хлынул поток книг с Запада, и переводить бросились все, кто знал три слова по-английски. Вскоре издательства перестали платить за эту халтуру. И приятель предложил мне писать детективы. Я попробовала, и за два месяца написала свой первый роман «Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры». Он всем нравился, но ни одно издательство не хотело его брать, тогда все были помешаны на книжных сериях. Мне предложили писать детские детективы, и я с горькой согласилась. Потом увлеклась этой работой, которая была чудовищной, приходилось писать одну книгу в месяц. Когда вышли три детектива, у меня напечатался и роман, а когда я написала второй, издала их в двух книгах и они одновременно стали лидерами продаж, я совершенно охладела к детективам.

— Своих героев берете с натуры или придумываете?

— Придумываю. Хотя на сайт мне присылают много личных историй. Я говорю всем: «Спасибо, я этим не пользуюсь, я сама должна все придумать, потому что никогда не знаю, что у меня будет на следующей странице». Поэтому мне интересно писать. Может, потому и читает интересно? Для антуража могу, конечно, взять маленькую историю, эпизод.

— По пяти вашим романам сняты сериалы для ТВ — что вам понравилось? Что вообще вы думаете об экранизациях?

— Ничего хорошего. Наилучшее удалось, на мой взгляд, «Три полуэмиграции» и «Я тебя люблю» по роману «Хочу бабу на роликах!» с Марией Шукшиной в главной роли. Во всяком случае, они близки мне, я себя вижу и слышу, хотя претензий полно. Хуже всего — «Любовь слепа» с Могилевской, там даже Галина Польских плохо играет. Продюсеры взяли две мои первые книги — «Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры» и «Полоса везения, или Все мужики козлы» — и не оставили от них камня на камне. Ужасный фильм. Совсем не понравился и «Снежный ангел», этот фильм должен был снимать Валерий Усков. Он приезжал ко мне, говорил, что влюблен в эту вещь и хочет снимать. В результате снимал кто-то другой. А вот «Счастье по рецепту» (см. фото)

был снят по книге «Курица в полете», и все бы ничего, если бы не главная героиня, которую играет Евгения Добровольская. Совсем не тот типаж. В финале она должна взлететь, а в фильме так и остается курицей. «Курица в полете» могла сыграть Ирина Пегова, но в тот момент не смогла. Давать советы режиссерам по подбору актеров не собираюсь, не уверена, что угадаю. Когда мне сказали, что в «Трех полуэмиграциях» будет играть Алена Хмельницкая, я была недовольна, а сыграла она все правильно. Или, скажем, когда я писала героиню, которую в фильме «Я тебя люблю» сыграла Татьяна Кравченко, представляла совсем другой типаж. Но актриса сыграла прекрасно и меня убедила.

— Кто ваши учителя?

— Считаю, родители. Мама у меня из Петербурга, который до Ленинграда, папа — коренной москвич. Папа переводил стихи, драмы и сам был писателем и литературоведом. Писал о Пастернаке, они дружили. Мама тоже переводила — с немецкого, английского и французского. Самым знаменитым человеком из всех, кого я видела в нашем доме, возможно, была Фаина Раневская. Моя мама с детства дружила с ее подружкой — Ниной Станиславовной Сухотской, режиссером и актрисой Камерного театра, преподававшей во ВГИКЕ. Сейчас из Раневской делают икону, а она была живым человеком, несчастным и очень бестактным. Когда ее бестактность коснулась моей 15-летней души, мне было больно. В нашем доме бывал весь цвет переводческой элиты. Пастернака не помню, потому что они с отцом разошлись и одно время не общались. Хорошо помню Рихтера и Нейгауза. Генрих Густавович Нейгауз, основатель советской школы пианизма, был самым очаровательным человеком из всех, кого я встречала в своей жизни.

— В последнее время немало говорится о том, что классический роман умер, на смену ему идет документалистика — вы эти перемены ощущаете?

— Не знаю, может, кому-то хочется, чтобы он умер, по-моему, он живехонек. Все зависит от того, кто пишет, кто читает и кто критикует. Чтение — это особая тема. Что читает человек, зависит от возраста, чем он старше, тем больше его интересуют мемуары. А роман — ну нет у нас Льва Толстого, где же его взять?

— Что вас вдохновляет?

— Разговоров о вдохновении не приемлю. Это стихи можно по вдохновению писать, а прозу нет. Например, если сажусь за стол и голова не работает, встаю и ухожу. Иногда во время работы удасться «поймать волну» — я это так называю. А иногда... Както в берлинском зоопарке я остановилась у вольера с семейством жирафов. И увидела жирафенку — прелесть невероятная!.. И что вы думаете, я убежала из зоопарка, купила блокнот и сразу начала писать — «поймала волну». Или, например, зимой в декабре на питерском перроне увидела молодого человека с табличкой — «Самая красивая блондинка с голубыми глазами». Мне так понравилось, что свой новый роман я начала с подобной сцены.

— Участвуете ли вы в качестве третьего судьи в ТВ-шоу?

— Не нравится мне это полосувание белья. Вот встречи с читателями люблю, особенно в библиотеках, потому что там работают энтузиасты. Читаю всегда, что мне пишут на сайте. Ни в каких сетях не присутствую, потому что это иллюзия жизни. Человек думает, что имеет много друзей, а на самом деле помочь могут только друзья из реальной жизни.

Беседовала
Нина КАТАЕВА
Гатчина — Москва

ЗА КУЛИСАМИ

Легко ли быть Наполеоном?..

Дмитрий Высоцкий, ведущий актер Театра на Таганке, известен по спектаклям «Добрый человек из Сезуана», «Шарашка», «Марат и маркиз де Сад», «Мастер и Маргарита». В премьерном спектакле «Гроза 1812 года. Имени Твоему (из записок Даниловского)» сыграл роль Наполеона. Среди лучших киноработ актера — фильмы «Водитель для Веры», «Русская игра», «Метро».

— Дмитрий, наверняка вас часто спрашивают — каково играть на сцене Таганки, будучи однофамильцем Владимира Высоцкого?

— Когда я пришел на Таганку, мне предложили взять псевдоним, но я ничего стоящего не смог придумать и сказал: «Останусь Высоцким». Меня стали отговаривать. «Ну, значит не судьба!» — сказал я. Но Юрий Любимов согласился: Высоцкий так Высоцкий. В первые годы было сложно: стоя на сцене, я слышал из зала реплики: «Смотри-смотри, это же его сын!», «Да нет, какой сын? Это внук!», «Нет сын, внебрачный!», «Нет, это племянник...». И до сих пор меня часто спрашивают, не родственник ли я этого самого Высоцкого. Но я уже смирился с этим.

— Больше 10 лет вы играете в легендарном театре, что он значит для вас?

— Это был уникальный авторский театр. Открытия Таганки до сих пор используются многими режиссерами мира. Почему говорю в прошедшем времени? Потому что прежнего

театра уже нет. Но дух старой Таганки живет в спектаклях Юрия Любимова, которые продолжают идти на этой сцене, его бережно хранят люди, которые ценят и любят Юрия Петровича. На них и держится театр сегодня. Сейчас Таганка переживает непростое время. Решается вопрос со статусом театра — будут ли его реконструировать или на его месте возникнет что-то новое. Одним словом, как гласит китайская мудрость, «не дай вам Бог жить в эпоху перемен». Увы, нет былой консолидации, так как нет лидера. Покойный Валерий Сергеевич Золотухин изо всех сил пытался воссоединить всех, но, к сожалению, ему это не удалось.

В то же время сегодня в театре можно увидеть совершенно разные спектакли, как «любимовские», так и эксперименты молодых режиссеров, которые пытаются осмыслить то, что с нами происходит, включая историю с Таганкой. Есть мнение, что авторский театр живет 10-15 лет. Таганка прожила, хоть и с великими потрясениями, полвека.

Не знаю, может, пора и закончить эту историю? А может, все же сплотиться и отстоять то, что было? В любом случае надо продолжать честно делать свое дело.

— В следующем году будет праздноваться 70-летие Великой Победы. И уже в мае этого года в театре состоялась премьера спектакля «День Победы»...

— В пьесе Михаила Дурненкова «Сны о войне» речь идет об отношении к войне тех поколений, которые знают ее по учебникам и рассказам дедов. А именно — сегодняшних 30-летних. Лично для меня это сокровенная страница истории: мои родственники воевали, я из семьи военных и сам был военным до того, как стал артистом. Но, к сожалению, выросло поколение, для которого эта война ничего не значит. Пьеса очень острая. Таким же, даже скандальным в какой-то степени, получился спектакль. Некоторые даже пытались разглядеть в нем чуть ли не глумление над праздником. Так, на премьере явно ангажированные молодые люди стали кричать актерам: «Позор! Зачем вы нам это показываете?» Но поднялся увешанный орденами ветеран, подошел к сцене и с благодарностью подарил актерам цветы.

— Недавно вы побывали с гастролями в Южной Корее и Франции, как принимала публика?

— Мы привезли спектакль Вениамина Смехова «Нет лет» —

ФОТО МИХАИЛА ДМИТРИЕНО

по произведениям Евгения Евтушенко. Зрители реагировали очень живо. Спектакль стал событием для русскоязычной диаспоры. В Южной Корее присутствовала большая делегация от посольств России и Беларуси. Зрители уходили со слезами на глазах. А во Франции мы выступили в Доме ЮНЕСКО. До этого я уже был в Париже с концертной программой, приуроченной ко дню рождения Владимира Высоцкого, пел в Российском центре науки и культуры. Приятно было видеть в зале французских, интересу-

ющихся Высоцким как феноменом русской культуры. Более того, была организована интернэт-трансляция концерта на город Европы. И мне так хочется верить, что русское искусство способно сохранить в сознании европейцев образ России, создававшийся веками. Что оно окажется сильнее «санкций» и того негатива, который нагнетается в западных СМИ. Ведь искусство — всегда голос мира и добра.

— В вашем актерском багаже немало ролей в кино, продолжите ли сниматься?

— Если мой «папа» в театре —

Юрий Любимов, то «папа» в кино — это Павел Чухрай. Я горжусь тем, что снялся в его картинах «Водитель для Веры» и «Русская игра» по гоголевским «Игрокам». В этом фильме мне посчастливилось работать с Сергеем Маковецким, Сергеем Гармашем, Андреем Мерзликиным и другими большими артистами. Хотелось бы продолжить отношения с кино, но пока театр не отпускает. Очень много предложений. Но надеюсь, что все сложится.

Беседовала

Татьяна КУТАРЕНКОВА

ФОТОРЕПОРТАЖ

XVII Московский международный фестиваль «Джаз в саду Эрмитаж» прошел 16-17 августа 2014 года. За прошедшие годы фестиваль превратился из чисто городского мероприятия в крупнейший джазовый форум на открытом воздухе, получивший широкую известность и признание не только в России, но и за рубежом.

Фото Владимира КОРОБИЦЫНА

